Vol. 18 ▪ No. 3 ▪ 2024 Russian Journal of Social Sciences and Humanities ISSN 1998-5320 (Print) ISSN 2587-943X (Online)
Philological Sciences

УДК 82.091 + 241.13 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.1
Научная статья

А. Э. Еремеев[1]
nou_ogu@mail.ru
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Философско-эстетические искания Н. В. Гоголя 1840–1850-х годов (от «Выбранных мест из переписки с друзьями» ко второму тому «Мертвых душ»)

Аннотация: Исследование творческой эволюции Н. В. Гоголя в последние годы его жизни – одна из ключевых проблем литературоведческой мысли. «Выбранные места из переписки с друзьями», написанные в период напряженных религиозно-философских исканий писателя второй половины 1840-х годов, стали основой формирования всей идейно-образной системы второго тома «Мертвых душ» (1848–1849). Осмысление художественной концепции второго тома поэмы Гоголя в связи с проповедью нравственного возрождения человека, исходя из православного осознания жизни, является главной проблемой настоящей работы. Цель исследования – анализ поэтики второго тома «Мертвых душ» в связи с перестройкой авторской позиции Гоголя, непосредственно связанной с идеей духовного трудничества, со стремлением переустройства жизни на религиозно-нравственных основах, определяющих возрождение национального сознания.

Исследование опирается на сравнительно-исторический и сопоставительный анализ. В методологическом отношении наиболее важными являются концепция развития авторского сознания и принцип диалогичности творчества М. М. Бахтина, осмысление жанрово-стилевой эволюции русской прозы Ю. Н. Тынянова, идея неразрывной связи художественного творчества с общественно-историческими и религиозно-философскими взглядами писателя, в частности разработанная в исследованиях В. В. Зеньковского, А. Ф. Лосева, В. А. Воропаева.

«Выбранные места...» рассматриваются как итоговое произведение философской прозы Гоголя.

План второго тома «Мертвых душ» сложился, исходя из концепции «праведного хозяйствования». После создания «Выбранных мест...» Гоголь пытался воплотить во втором томе поэмы качественно новую жанровую целостность, обращаясь к созданию характеров, способных к преображению жизни (Тентетников, Костанжогло, Улинька Бетрищева). Образная система второго тома «Мертвых душ» является естественным продолжением авторской концепции жизнетворчества, выраженной в «Выбранных местах...».

Учитывая идейную основу «Выбранных мест...», дидактический пафос, установку на гармонизацию общественной жизни, во втором томе «Мертвых душ» Гоголю необходимо было соотнести две авторские позиции и создать некий синтез риторического и собственно художественного начал. Автор задает читателю особый ритм духовной интенсивности освоения бытия, побуждая его принять способ нравственного осознания жизни.

Образы, созданные Н. В. Гоголем во втором томе «Мертвых душ», отразились в творчестве писателей 1850–1860-х гг.: И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Гоголь испытывает современный жизненный уклад мерой православно-христианского сознания. Стремление осуществить правду Христову через «праведное хозяйствование», осмысленное в «Выбранных местах...», стало одной из центральных тем, воплотившихся уже в художественной форме второго тома «Мертвых душ».

Трагедия личности Гоголя и второго тома «Мертвых душ» заключается в том, что он как никто другой понимал, что вне церковного сознания Россия обречена на разрушение. Гоголь не предполагал такого мощного вдвижения в исторический процесс России разночинства, отторгавшего прежние формы социальной жизни, во что так свято верил сам писатель.

Гоголь обратился с проповедью возрождения России, опираясь на православно-нравственное преображение бытия, но не был услышан. В итоге трагическое осознание неосуществимости создания Христова братства среди людей, воплощения идеи «праведного хозяйствования» в пределах «неправедного» социального строя – всё это и повлекло за собой трагедию незавершенности второго тома «Мертвых душ».

Оппозиция В. Г. Белинского (письмо Н. В. Гоголю 15 июля 1847 г.) идеям религиозного писателя – это оппозиция Гоголю как представителю предыдущего поколения романтиков с культом искусства и идеей литературоцентричности культуры.

Гоголь, обращаясь к своему читателю и внушая ему свое мировидение, в какой-то момент трагически теряет эту связь. Трагическое осознание писательского «я» без читателя, без «другого» привело к глубочайшему кризису и трагическому концу, повлекшему за собой сожжение второго тома «Мертвых душ» и безвременную кончину, но

© А. Э. Еремеев, 2024

идея преображения жизни и человеческой души, мысль о единстве ответственности человека перед самой жизнью и ее нравственными основами вопреки всей идеологии его эпохи осталась ключевой для русского национального сознания. Вслед за трагической проповедью Гоголя выступают два величайших последователя – Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, – в творчестве которых религиозная проблематика становится основой духовных исканий.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями, второй том Мертвых душ, концепция жизнетворчества, идея праведного хозяйствования, религиозная проблематика культуры.

Дата поступления статьи: 21 июня 2024 г.

Для цитирования: Еремеев А. Э. (2024) Философско-эстетические искания Н. В. Гоголя 1840–1850-х годов (от «Выбранных мест из переписки с друзьями» ко второму тому «Мертвых душ»). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 3, с. 7–23. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.1.

Scientific article

A. E. Eremeev[1]

✉ nou_ogu@mail.ru

[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Philosophical and aesthetic explorations of N. V. Gogol in the 1840s–1850s (started from «Selected passages from Gogol's correspondence with his friends» and finished in the second volume of «Dead Souls»)

Abstract: The problem and the goal. The study of N. V. Gogol's creative evolution in the last years of his life is one of the key issues of literary thought. "Selected passages from correspondence with friends" written during the intense religious and philosophical explorations of the writer in the second half of the 1840s became the basis for the formation of the entire ideological and figurative system of the second volume of "Dead Souls" (1848–1849). The comprehension of the artistic concept of the second volume of Gogol's poem in connection with the propagation of the moral rebirth of a man, based on the Orthodox perception of life, is the main concern of that work. The purpose of the study is to analyze the poetics of the second volume of "Dead Souls" in connection with the restructuring of Gogol's standpoint as an author; it is directly related to the idea of spiritual work, the reformist desire to rebuild life on religious and moral foundations determining the revival of national consciousness.

The research is based on comparative historical and contrastive analysis. From a methodological point of view, the most important are the concept of the development of author's consciousness and the principle of dialogic creativity of M. M. Bakhtin, the understanding of the genre and style evolution of Russian prose by Yu. N. Tynyanov, the idea of an inseparable connection of artistic creativity with the socio-historical and religious-philosophical views of the writer, in particular, developed in the research of V. V. Zenkovsky, A. F. Losev, V. A. Voropaev.

"Selected passages ..." are considered as the final work of Gogol's philosophical prose.

The plan for the second volume of «Dead Souls» was formed basing on the concept of «righteous management». After creation of the "Selected passages..." Gogol tried to embody qualitatively new genre integrity in the second volume of the poem, referring to the creation of characters capable of life transfiguration (e.g. Tentetnikov, Kostanjoglo, Ulinka Betrisheva). The figurative system of the second volume of "Dead Souls" is a natural continuation of the author's concept of life creation, expressed in "Selected passages...".

Taking into account the ideological basis of the "Selected passages...", didactic pathos, and an attitude towards the harmonization of public life, in the second volume of "Dead Souls" Gogol needed to correlate two author's standpoints and create a kind of synthesis of rhetorical and artistic principles. The author sets the reader a special rhythm of the spiritual intensity of mastering being, encouraging him to adopt a way of moral perception of life.

The images created by Gogol were reflected in the works of the writers of the 1850s and 1860s i.e. Goncharov, Dostoevsky, Tolstoy. Gogol put the modern way of life to the test by the measure of Orthodox Christian consciousness. The desire to realize the truth of Christ through "righteous management", comprehended in "Selected passages ...", became one of the central themes embodied in the artistic form of the second volume of "Dead Souls" passages.

The tragedy of Gogol's personality and of the second volume of "Dead Souls" concludes in the fact that Gogol, like no one else, understood that Russia was doomed to destruction without church consciousness. Gogol did not envisage such a powerful introduction of commoners into the historical process of Russia, rejecting the previous forms of social life, which the writer himself so sacredly believed in.

Gogol preached the revival of Russia, relying on the Orthodox-moral transfiguration of being, but he was not heard. As a result, the tragic realization of the impracticability of creating the brotherhood of Christ among people, the embodiment of the idea of "righteous management" within the "unjust" social system – all these led to the tragedy of the incompleteness of the second volume of "Dead Souls".

V. G. Belinsky's opposition (letter to N. V. Gogol on July 15, 1847) to the ideas of a religious writer is an opposition to Gogol as a representative of the previous generation of romantics with the cult of art and the idea of literary centrality of culture.

Gogol, addressing his reader and inspiring him with his worldview, at some point tragically loses this connection. The tragic realization of the writer's "I" without the reader, without the "other" led to a profound crisis and a tragic end, which led to the burning of the second volume of "Dead Souls" and his untimely death, but the idea of life and the human soul transfiguration, the idea of the unity of human responsibility for life and its moral foundations, contrary to all the ideology of his era. It remained a key concept to the Russian national consciousness. Following Gogol's tragic propagation, two of his greatest followers i.e. L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsk brought to the fore spiritual explorations basing their works on religious issues.

Keywords: N. V. Gogol, "Selected passages from correspondence with friends", the second volume of "Dead Souls", the concept of life creation, the idea of "righteous management", religious problems of culture.

Paper submitted: June 21, 2024.

For citation: Eremeev A. E. (2024) Philosophical and aesthetic explorations of N. V. Gogol in the 1840s–1850s (started from "Selected passages from Gogol's correspondence with his friends" and finished in the second volume of "Dead Souls"). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 3, pp. 7–23. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.1.

Введение

В литературоведческой мысли никогда не затихнет вопрошающая мысль о творческом потенциале Н. В. Гоголя и значимости самого факта создания второго тома «Мертвых душ». Нельзя отрицать, что Гоголь, осознавая себя художником, мыслил себя личностью, способной повлиять на изменение русской действительности. Сам факт создания комедии «Ревизор» (1836) говорит о том, что писатель, по замечанию В. В. Зеньковского, изначально был влеком теургическим беспокойством за судьбы России. «Гоголя, как стало ясно от всей истории, *вовсе не заполнял и даже не интересовал чисто художественный успех его комедии*» (Гиппиус, Зеньковский, 1994, с. 326). Эстетическое, собственно художническое, начало уже в раннем творчестве тесно переплелось с религиозными исканиями и дидактической направленностью его произведений («Страшная месть», 1831; «Шинель», 1835).

Творческая судьба Гоголя – это история последовательного движения к созданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847), уникального произведения, где перед читателем предстает православный мыслитель, зовущий к преображению человека в православной истине и тем самым возрождению национального сознания и социальной жизни, осмысливший особое качество русской культуры, влекущейся к цельности обретения бытия, всей жизни с ее внекультурной бытийностью. «Выбранные места...» по сути являются итоговым произведением Гоголя. Система философских и религиозных взглядов писателя, сформировавшихся в «Выбранных местах...», оказалась тем стержнем, вокруг которого вращаются все художественные образы второго тома «Мертвых душ».

Следует заметить, что, начиная с раннего творчества, Гоголь находился в русле религиозно-нравственных поисков всецелой истины, отражавшейся в его эстетическом сознании. В письме к С. Т. Аксакову, уже после издания «Выбранных мест...» в августе 1847 г., писатель разъяснял: «Вновь повторяю вам еще раз, что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 355–356).

Следует отметить очень важную черту, появившуюся в творчестве Гоголя, которая после постановки «Ревизора» только нарастала, а в «Выбранных местах...» выразилась целостно, – это «теургическое беспокойство», берущее свое начало в «преображении бытия» в церковно-православном мировоззрении, – все это составляло основу его мыслительных и идейных построений. Гоголь, после постановки «Ревизора», осознавая провал реформаторского воздействия пьесы на общество, приходит к углубленному религиозному пониманию роли искусства в преображении человека.

Гоголь ко времени написания «Выбранных мест...» сформировался как литератор-мыслитель, которому важно было не только создать художественное произведение, но и самому постичь жизнь и прожить истинно. Русская действительность XIX века создала писателей особого рода, о которых Л. Н. Толстой в свое время сказал: «Тургенев – литератор, Пушкин был тоже им, Гончаров – еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я – нелитераторы» (Цит. по: Русанов, 1912, с. 69). В подобный ряд «нелитераторов» можно поставить Гоголя в период создания «Выбранных мест...», перешедшего в особую сферу творчества, в которой эстетические и эпические начала сливались в единый акт жизнетворения. Именно Гоголь дал русской литературе те жанровые образования, которые в дальнейшем позволили создать «Дневник писателя», «Бесы» Ф. М. Достоевского, повлияли на создание «Воскресения» Л. Н. Толстого. Обращение в последнем письме умирающего И. С. Тургенева в июне 1883 г. из Буживаля к Толстому с призывом: «Друг мой, вернитесь к литературной деятельности!.. друг мой, великий писатель Русской земли – внемлите моей просьбе!» (Тургенев, 1958, т. 12, с. 580) – можно post factum отнести и к Гоголю.

Гоголь творил не только в искусстве, но в самой жизни, своей судьбой, своей личной жизнью созидая совершенно особую сферу творчества, в которой этические и эстетические начала сливались в единый акт жизнетворения. Это сознание выросло и окрепло в Гоголе, когда он стал работать над вторым томом «Мертвых душ» (1848–1849, Воропаев, Виноградов, 1994, с. 557). Гоголь после публикации «Выбранных мест...» отстраняется от прежнего собственно художественного типа творчества. В «Авторской исповеди» Гоголь замечал о внутренней перестройке его сознания как писателя: «В книге моих писем я все-таки стою на высшей точке, нежели в уничтоженных “Мертвых душах”... В уничтоженных “Мертвых душах” гораздо больше выражалось моего переходного состояния, гораздо меньшая определенность в главных основаниях и мысль двигательней, а уж много увлекательности в частях, и герои были соблазнительны. Словом – как честный человек, я должен бы оставить перо, даже и тогда, если бы действительно почувствовал позыв к нему» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 227–228).

Гоголь обратился к своему поколению с проповедью нравственного возрождения, исходя из православно-нравственного осознания жизни; именно это дидактическое начало, с такой осердеченной мощью воплощенное в «Выбранных местах...», повлекло за собой изменение художественной концепции второго тома «Мертвых душ».

В эту «переходную эпоху», говоря словами самого Гоголя, формируется его обновленное авторское сознание. Мысль становится предметом и средством художественного изображения, внутренним формообразующим принципом. Дидактико-проповедническая тенденция, стремление внедрить в сознание читателя непосредственно принципы высших нравственных начал влекли за собой перестройку поэтики второго тома «Мертвых душ». «Стояние на высшей точке» в «Выбранных местах...», его философские раздумья, зачастую переходящие в дидактические поучения, не могли гармонично сопрягаться с тем, что мы называем собственно «художественным сознанием» писателя. Героем его произведений становятся не столько художественные образы, а диалектика мысли, сама жизнь в своей драматичности и неразрешимости. Сам Гоголь приходит к заключению по поводу «Мертвых душ» в «Выбранных местах...»: «Дело мое – душа и прочное дело жизни» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 83).

Для понимания невозможности завершения второго тома «Мертвых душ» важно уяснить примат этического и нравственно-дидактического начал в писательском сознании Гоголя. В нем проснулась психология реформатора, чисто литературное творчество перестало быть доминирующим в его внутренней жизни, как впоследствии у Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Путь Гоголя шел от созерцания к трудничеству, от узрения всякой неправды к преображению жизни. Это становится тем духовным действованием, которое вдохновляло его, а затем мучительно свело в могилу. Если в «Ревизоре» и первом томе «Мертвых душ» Гоголь вскрывал убожество социально-моральное, то в «Выбранных местах...», разоблачая убожество духовное, зовет к преображению человека. У Гоголя не только «засветились», но и стали в целом путеводными переживания христианского восприятия жизни: «... человек, по крайней мере, увидит свою пре-

зренность, подлое ничтожество свое и вспомнит невольно о Боге, возносящем и выводящем все из глубины ничтожества; <...> бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе "Мертвых душ", а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен» («Выбранные места...», Гоголь, 1994, т. 6, с. 82–83). Писателю был важен сам мыслительный процесс, мысль о мысли; конкретные образы, картины, явления, жизненные ситуации обретают удвоенную ценность и призваны подтвердить, объяснить ход мысли автора, направленный на постижение философии жизни.

Попытка создать живую целостность между индивидуально-личностными и общесоциальными ценностями в русском обществе, и тем самым построить «гармоничное государство», – вся эта утопия трансформировалась через идею православного духовного начала в человеке, дающую мощный импульс к возрождению национального сознания. Именно это общечеловеческое начало становится центром и определяющей доминантой жанрово-стилевой структуры его прозы, требующей в корне перестройки поэтики второго тома «Мертвых душ».

Методы

Исследование опирается на сравнительно-исторический и сопоставительный анализ, позволяющий определить основные тенденции национального художественного сознания от периода позднего романтизма 1830-х годов к этико-эстетическим поискам русских писателей 1850–1870-х годов. В настоящей статье осмысляются биографический, историко-культурный, социально-общественный контексты указанных этапов развития отечественной традиции.

В методологическом отношении наиболее важными являются концепция развития авторского сознания и принцип диалогичности творчества М. М. Бахтина, осмысление жанрово-стилевой эволюции русской прозы Ю. Н. Тынянова, идея неразрывной связи художественного творчества с общественно-историческими и религиозно-философскими взглядами писателя, в частности разработанная в исследованиях В. В. Зеньковского, А. Ф. Лосева, В. А. Воропаева.

Результаты

Тема «истинной» христианизации России, духовного возрождения душ современников, стремление послужить «общему делу» через уяснение того, как можно в данное время осуществить правду Христову благодаря «праведному хозяйствованию», – так Гоголь решил, что может уберечь Россию от потрясений, и предложил это в качестве ее преобразования. Он гармонизировал свою внутреннюю жизнь, наполнил свою душу христианским миросозерцанием, – все это для него стало делом его жизни. Таким образом сложился план второго тома «Мертвых душ». В этой связи Гоголь в «Выбранных местах...» писал: «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 81). Исходя из концепции «праведного хозяйствования», писатель, обращаясь к помещику, декларировал следующее: «Ты им докажешь делом, а не словами..., что если только помещик взглянул глазом христианина на свою обязанность... И ты, не служа доселе ревностно ни на каком поприще, сослужишь такую службу государю в званье помещика, какой не сослужит иной великочиновный человек. Что ни говори, но поставить 800 подданных, которые все, как один, и могут быть примером всем окружающим своею истинно примерною жизнью, – это дело не бездельное и служба истинно законная и великая» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 109–110)[1].

Гоголь, исходя из вечных нравственных библейских ценностей, находясь совершенно сознательно в поисках религиозного преображения жизни, генерирует в своей эстетике внеисторический подход к государственному строю. Это не значит, что Гоголь не размышлял ни о каких реформах и не замечал фактов вопиющей деформированности русской действительности (тому порукой первый том «Мертвых душ»), – но Гоголь сознательно уходит от проблем социально-экономической жизни России и переносит центр тяжести на возрождение православного духовного

начала в человеке, дающего мощный импульс развитию национального сознания и российской государственности. В письме к П. В. Анненкову Гоголь пишет: «Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены или огорчены…» (Гоголь Н. В. Письмо Анненкову П. В., 10 мая н. ст. 1844 г. Франкфурт; Гоголь, 1952, т. 12, с. 298).

Во всем, по словам Гоголя, виноват *«применитель»*, т. е. сам человек, от его преображения зависит социальное состояние России: «Если б мы все вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше гораздо бы выиграли», – замечает Гоголь в письме к тому же Анненкову (Гоголь, 1952, т. 12, с. 298).

Может представиться, что Гоголь во втором томе «Мертвых душ» вообще не затрагивает проблем политического и социального строя России. Это не означает, что писатель, избрав путь религиозного преображения России, не размышлял об отмене крепостного права. Последовательно развивая учение о духовном начале, о единстве ответственности человека перед самой жизнью и ее нравственными основами, он вкладывает собственную мысль в слова генерал-губернатора: «… Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности…» («Мертвые души» (2 том); Гоголь, 1994, т. 5, с. 454).

После создания «Выбранных мест…» Гоголь, открыто выступивший в роли моралиста, возвращается к собственно художественно-образному творчеству, пытаясь воплотить качественно новую жанровую целостность. Второй том «Мертвых душ» был необходим писателю для создания если не прекрасных людей, то характеров, по крайней мере способных к преображению жизни. Остановимся на некоторых значимых героях, вобравших в себя социально-философские построения писателя, берущие свое начало из «Выбранных мест…», – это Тентетников и Костанжогло.

Но есть еще один образ, как будто бы отдаленный от образов Тентетникова и Костанжогло, без которого картина осмыслений поисков религиозно-нравственного преображения России была бы неполной, – это образ Улиньки Бетрищевой. Он восходит к главам «Женщина в свете» и «Что такое губернаторша» «Выбранных мест…». Образ дочери генерала Бетрищева всецело совпадает с дидактическим построением идеала женщины в «Выбранных местах…»; внутреннее содержание образа Улиньки можно рассматривать как художественную трансформацию, подтверждающую философскую и социальную концепцию автора, раскрывающуюся в прямых суждениях Гоголя. Образная система «Мертвых душ» срастается с идеей «Выбранных мест…» и является ее естественным продолжением.

«Женщина в свете
(Письмо к …ой)»:

«Во-первых, вы имеете уже красоту, во-вторых – неопозоренное, неоклеветанное имя, в-третьих – власть, которой сами в себе не подозреваете, – власть чистоты душевной. <…> Но вы имеете еще высшую красоту, чистую прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша голубиная душа»

[«Выбранные места…», Гоголь, 1994, т. 6, с. 15, 16].

«Что такое губернаторша»
(Письмо к А. О. С…ой)»:

«Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на все благородное; <…> подвигнет себя самою на все чистое, подвигнет своего мужа на исполнение честное долга … Клянусь, женщины у нас очнутся прежде мужчин, … прежде чем каждый из нас успеет очнуться…»

[«Выбранные места…», Гоголь, 1994, т. 6, с. 101].

«Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сзади лампою, она бы не поразила так, как эта сиявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затем, чтобы осветить комнату. Казалось, как бы вместе с нею <Улинькою. – А. Е.> влетел солнечный луч в комнату <…>. Это было обольщенье; происходило это от необыкновенной стройности и гармонического соотношенья между собой всех частей тела, от головы до пальчиков. Одноцветное платье, на ней наброшенное, было наброшено с таким <вкусом>, что, казалось, швеи столиц делали совещанье между собой, как бы получше убрать ее. Это был обман. Оделась она кое-как, сама собой; в двух, трех местах схватила неизрезанный кусок ткани, и он прильнул и расположился вокруг нее в таких складках, что ваятель перенес бы их тотчас же на мрамор, и барышни, одетые по моде, все казались перед ней какими-то пеструшками» [«Мертвые души» (2 том), Гоголь, 1994, т. 5, с. 260].

Автор, создавая гармонический образ Улиньки, вплоть до ее умения выбирать со вкусом наряды и носить их, пытается передать богатство творческих возможностей женского начала. Образ Улиньки Бетрищевой (как и ее отца) привлекает Гоголя не только сам по себе, но и как воплощение противоречий и сложностей аристократического общества и шире – богатства натуры родового человека. Если рассматривать образ Улиньки как продолжение философского пафоса глав «Женщина в свете» и «Что такое губернаторша» из «Выбранных мест...» в сопоставлении с беллетристическим пафосом повествования второго тома «Мертвых душ», – то здесь явно можно проследить тенденцию взаимопроникновения философского осмысления внутренней жизни человека с ее непосредственным изображением. Смысловая динамика, заключенная в «Выбранных местах...», и событийное движение второго тома «Мертвых душ» в создании образа женщины адекватны. Образ Улиньки срастается с идеей женщины из «Выбранных мест...» и является ее естественным продолжением. Исходная «мораль» задана и реализуется в образной глубине Улиньки.

Следует отметить, что образ молодой женщины, создающий исторический и социальный масштаб изображения действительности, был также свойственен писателям-любомудрам, в частности прозаическому произведению И. В. Киреевского «Отрывок из романа: Две жизни» (опубл. впервые в журнале «Телескоп» за 1834 г. № 6), которое является комментарием к его философско-эстетическим работам, произведением этапным, вобравшим в себя по сути почти все тенденции развития отечественной прозы 20–30-х годов XIX в. от романтизма до становления реализма в русле «натуральной школы».

Неизвестно, знаком ли был Гоголь с произведением Киреевского, но тенденция в развитии русского художественного сознания 1830–1850-х годов явно прокладывает себе путь через творчество этих писателей. Схождения стиля Гоголя и Киреевского можно наблюдать в границах определенных частей текста задуманной писателями большой прозаической формы. Так, образ Софьи Вельской, созданный Киреевским, сочетается по всем эстетическим канонам с образом Улиньки Бетрищевой:

«Черты лица ее <Вельской. – А. Е.>, тонкие, благородные, правильные, казались прозрачными: так чисто и явственно выражались сквозь них ее музыкальные, веселые, фантастические движения души» (Киреевский, 1911, т. 2, с. 169);

«В покрое ее <Вельской. – А. Е.> платья и в живописности ее прически все требования моды были какою-то удачею, или правильнее, каким-то волшебством соглашены с требованиями самого разборчивого, самого художественного вкуса» (Киреевский, 1911, т. 2, с. 168);

«Она могла бы напоминать Магдалину Кановы, если бы Магдалину кающуюся можно было вообразить веселою и смеющеюся» (Киреевский, 1911, т. 2, с. 169).

Оба писателя, создавая женские образы, придают их облику черты высшей духовности. Указанные аналогии в творчестве Киреевского и Гоголя объясняются не прямым влиянием, а коренятся во внутренних потребностях эпохи, сформировавших у разных авторов подобный способ философского осмысления жизни. Необходимо подчеркнуть, что, начиная с 1820–1830-х годов, романтическое сознание, развивающееся в творчестве Пушкина, любомудров и близких к их кругу литераторов, не только не было поглощено формирующимся реалистическим стилем, но, как видим, сохранило свою значимость в творчестве позднего Гоголя периода 1840–1850-х годов.

И Киреевский, и Гоголь используют прием открытого введения литературного «я» повествователя. «Умные люди», говорящие отчасти за автора, так и автор, говорящий за своих героев, – этот способ повсеместно наблюдается в художественном пространстве второго тома «Мертвых душ». Дистанцированный и обобщенный рассказ автора совмещены одновременно в единое целое, где повествование приближено к настоящему времени. Таким образом Гоголю необходимо было соотнести две авторские позиции и создать из них некий синтез с фиксированным положением во времени и пространстве. Для того чтобы совместить два художественных начала: риторическое, включающее в себя определенный дидактизм, обобщение наблюдений, и собственно художественное, образное, – необходимо было выработать единую целостную позицию созерцающего сознания повествователя. У Гоголя позиция авторского «я» во втором томе так

и не определилась, и тем самым не определилась жанровая доминанта, дающая возможность на создание художественной целостности второго тома «Мертвых душ». Синтез дидактико-логического и художественного начал не осуществился, что послужило одной из принципиальных причин незавершенности произведения, но гениальная попытка, где автор задает читателю особый ритм духовной интенсивности освоения бытия, побуждая его принять способ нравственного осознания жизни, все же осуществилась[2].

В прозе Гоголя так же, как в пушкинской, на смену собственно фабульному интересу развития действия приходит «развертывание вещи на материале» (Тынянов, 1969, с. 155). Этот принцип создания внутренней формы становится возможным благодаря огромному философскому потенциалу авторского обобщения.

Это обобщение достигается «переключением, перенесением из одного плана в другой», причем «значение» это «не статическое <…>, а энергетическое» (Тынянов, 1969, с. 155). Таким образом, философская проекция повествования создается благодаря смысловому сопряжению двух временных планов: прошлого и настоящего. Средством подобного сопряжения, создания многомерности становятся риторические формы, в данном случае анекдот.

После рассказа Чичиковым анекдота о «черненьких и беленьких»[3] «… болезненно застонала Улинька. – Я не понимаю, папа, как ты можешь смеяться! – сказала она быстро. Гнев отемнил прекрасный лоб ее… – Бесчестнейший поступок, за который я не знаю, куды бы их следовало всех услать…»4 (Гоголь, 1994, т. 5, с. 262). Гоголь, как в «Выбранных местах…», так и во втором томе «Мертвых душ» стремится за внешними житейскими обстоятельствами отыскать высший человеческий идеал женщины. Улинька, будучи аристократкой, живет не в городе, а в деревне, что также знаменательно. То, что в центре второго тома «Мертвых душ» оказывается молодая девушка, которая впоследствии становится спутницей жизни Тентетникова, создает особый родовой, нравственный, национальный масштаб изображения действительности. Для Гоголя оказывается необычайно актуальной фигура молодой женщины как выразительницы не только потребностей времени, эпохи, – шире, путей развития России в ее переломный период.

«Преказусный анекдот» о «черненьких и беленьких», рассказанный Чичиковым, также берет свое начало из «Выбранных мест…» и трактуется Гоголем намного сложнее, чем на первый взгляд представляется. Обратим внимание, что генерал Бетрищев все никак не может запомнить логическую последовательность анекдота и ставит на первое место «беленьких» вместо «черненьких»:

«– … Как бишь: “полюби нас беленькими”?..

– Черненькими, ваше превосходительство, – подхватил Чичиков.

– Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит» (Гоголь, 1994, т. 5, с. 262).

О так называемых «беленьких» Гоголь размышлял в «Выбранных местах…» в письме к губернаторше А. О. С…ой, называя их «чистенькими». Раздумывая о «чистеньких» и о всех, кто нуждается в спасении души, писатель говорит: «Не пугайтесь же и вы мерзостей и особенно не отвращайтесь от тех людей, которые вам кажутся почему-либо мерзки. Уверяю вас, что придет время, когда многие у нас на Руси из *чистеньких* горько заплачут, закрыв руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишком чистыми, что хвалились чистотой своей и всякими возвышенными стремленьями куда-то, считая себя чрез это лучшими других» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 103).

По мысли Гоголя, грешниками являются и те, кто творил явное зло, и те, кто фарисействовал, заявляя о своей непогрешимости. Слова писателя отталкиваются от библейской притчи о винограднике: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Ев. от Мф. 20: 16). Гоголь испытывает современный жизненный уклад мерой православно-христианского сознания, несущего непреходящий характер. Завершается анекдот Чичикова авторской сентенцией: «В самом деле, необыкновенно странны были своею противуположностью те чувства, которые родились в сердцах троих беседовавших людей. Одному была смешна неповоротливая ненаходчивость немца. Другому смешно было оттого, что смешно изворотились плуты. Третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступок. Не было только четвертого, который бы задумался именно над этими словами, произведшими

смех в одном и грусть в другом. Что значит, однако же, что и в паденье своем гибнущий грязный человек требует любви к себе? Животный ли инстинкт это? или слабый крик души, заглушенный тяжелым гнетом подлых страстей, еще пробивающийся сквозь деревенеющую кору мерзостей, еще вопиющий: “Брат, спаси!”. Не было четвертого, которому бы тяжелей всего была погибающая душа его брата» (Гоголь, 1994, т. 5, с. 263).

Следует заметить, что Гоголь как автор не мог присутствовать при рассказе анекдота Чичикова. Здесь он ведет повествование прямо от себя как от «чистого» автора: «В этом случае он может изображать… мир с его событиями *как если бы* он видел и наблюдал его, *как если бы* он был вездесущим свидетелем его» (Бахтин, 1975, с. 404–405). Эта избыточная, невоплотимая в герое человечность реализуется у Гоголя в монологе, рождающемся в авторском сознании, творческая продуктивность которого заключается именно в том, что, по канонам поэтики философской прозы, она побуждает в читателе самостоятельную мысль; этот диалог с читателем открывает новые содержательные возможности воспринимаемого смысла.

Анекдот необходим Гоголю, чтобы в сопоставлении реакций выявить особенности мирочувствования своих героев, важные тенденции современной действительности, делая это в соотношении и взаимодействии различных жизненных позиций слушателей. Уникальность личностного нравственного опыта Гоголя создает внутреннюю авторскую глубину истолкования «бытового» анекдота. В итоге автор задает читателю особый ритм духовной интенсивности мышления, предлагает ему путь личного осмысления тайны бытия, побуждая к продолжению работы духа. Именно о читателе Гоголь говорит: «Не было четвертого, которому бы тяжелей всего была погибающая душа его брата», – органически включая его в круг героев «Мертвых душ». Гоголь стремится перелить эту живую жизнь в сознание читателя, сделать ее духовно постигаемой.

В «Выбранных местах…» у Гоголя вырабатывается собственное отношение к истории и историческому деланию, к новому осмыслению человека на этом пути, к той задаче «общего добра», которая вытекала из его религиозного миропонимания. Из этой программы вытекала еще одна глубочайшая задача, – Гоголь строил свой план «общего дела», построения жизни и хозяйствования на христианских началах: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 15). Еще в 1843 г. в письме (вторая половина марта – апрель н. ст. 1843, Рим) к матери, Марии Ивановне, Гоголь выстраивает целую программу христианского хозяйствования: «Если подвластный создан для того, чтобы трудиться для нас и исполнять наши повеления, разве мы не созданы для того, чтобы обращать во благо труд его и уметь давать ему повеления, задавать беспрерывно вопросы уму нашему, как улучшить работу рук его и удесятерить плоды от работы рук его. <…> среди каких бы обстоятельств ни поставил тебя Бог, Который не оставит нас без цели нигде и ждет только, чтоб мы догадались и обсмотрели всё ясными очами» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 193, 195). Эти мысли впоследствии сконцентрировались в главе «Русский помещик» («Выбранные места…»): «… будь патриархом, сам начинателем всего и передовым во всех делах» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 106). Именно в духе деклараций Гоголя о русском помещике в «Выбранных местах…» размышляют Тентетников и Костанжогло:

Тентетников:

«… Судьба назначила мне быть… для управления людьми, улучшения целой области, для исполнения многообразных обязанностей помещика, являющегося и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка <…> Отныне же даю слово разделить с вами труды и занятья ваши!» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 240).

Костанжогло:

«У тебя крестьяне затем, чтобы ты им покровительствовал в их крестьянском быту… Я говорю мужику: “… В деятельности я твой первый помощник… Я затем над тобой, чтобы ты трудился”. Да ты подумай прежде о том, чтобы всякий мужик был у тебя богат, так тогда ты и сам будешь богат…» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 291).

Образы, созданные Гоголем, отразились в творчестве писателей 1850–1860-х гг.: Гончарова, Достоевского, Толстого. В частности размышления из «Выбранных мест…» и сам образ Костанжогло повлияли на создание любимого героя Константина Левина в «Анне Карениной». Писатель

дает герою то же имя – Константин, именно он принимает личное участие в полевых работах, выражая идею семейного уклада хозяйственной жизни:

Гоголь:

«Русского ли человека, который так умеет быть благодарным за всякое добро, какому его ни научишь, русского ли человека трудно привязать к себе?» [Гоголь, «Выбранные места...»; Гоголь, 1994, т. 6, с. 104].

Гоголь:

«Идешь и к мужику взглянуть, как он на себя работает. Безделица! Да для меня праздник, если плотник хорошо владеет топором; я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, с какой целью все это творится, как вокруг тебя все множится да множится, принося плод да доход. Да я и рассказать вам не могу, какое удовольствие» [Мертвые души (2 том); Гоголь, 1994, т. 5, с. 293–294].

Толстой:

«Нельзя было не делать дел Сергея Ивановича, сестры, всех мужиков, ходивших за советами и привыкших к этому, как нельзя бросить ребенка, которого держишь уже на руках» [Толстой. «Анна Каренина»; Толстой, 1935, т. 19, с. 372].

Гоголь, ассимилируя жизненные впечатления, как на Западе, так и в России, обуреваемый теургическими переживаниями одновременно социального, нравственного, религиозного характера, формирует свою внутреннюю социально-христианскую философию. Это стремление осуществить правду Христову через «праведное хозяйствование», осмысленное в «Выбранных местах...», стало одной из центральных тем, воплотившихся уже в художественной форме второго тома «Мертвых душ». Не думается, что Гоголь не замечал деформации патриархально-крепостнических устоев, – писатель верил в незыблемость социального строя России, монархии, в которой стержневым экономическим и политическим фундаментом оставалось крепостное право: «Не смущайся мыслями, будто прежние узы, связывавшие помещика с крестьянами, исчезнули...» («Выбранные места...», Гоголь, 1994, т. 6, с. 104). Патриархальная концепция «праведного хозяйствования», основанная на сугубо религиозно-нравственных началах, ярко отражает основное противоречие позиции Гоголя, причудливо совместившей в себе здравый смысл и утопию религиозно-патриархального идеала крестьян. Попытка писателя в этом деформированном социальном времени создать образы, осуществляющие высокое назначение человека, оказалась неосуществимой:

«Собери прежде всего мужиков и объясни им, что такое ты и что такое они. Что помещик ты над ними, не потому, чтобы тебе так хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что взыщет с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом, равно как и они также, родясь под властью, должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая не была от Бога» («Выбранные места...», глава «Русский помещик», Гоголь, 1994, т. 6, с. 104).

«Узнавши о приезде барина <Тентетникова. – А. Е.>, население всей деревни собралося к крыльцу. <...> “Сколько любви! за что? – думал он в себе. – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими! ... Употреблю все, чтобы помочь вам сделаться тем, чем вы должны быть, чем вам назначила быть ваша добрая, внутри же вас самих заключенная природа ваша, чтобы не даром была любовь ваша ко мне, чтобы я, точно, был кормилец ваш!” И действительно, Тентетников не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться» («Мертвые души» (2 том), Гоголь, 1994, т. 5, с. 240–241).

Религиозно-философские размышления писателя, связанные с жизнетворчеством, берут свое начало в «Выбранных местах...» и стремятся к воплощению в художественном пространстве второго тома «Мертвых душ». Гоголь, мучительно, начиная с самого себя, размышляет о единстве ответственности человека перед самой жизнью и ее нравственными основами. Именно это стремление к жизнетворящей истине, а не к истине ради истины, стремление к мироделствию не выходило за рамки социального строя, в котором действовало крепостное право. Гоголь,

будучи глубоко чутким писателем, уловил в сороковые годы кризис, в том числе и экономический, который открывался в российской действительности. Не зря он побуждает Чичикова с его практическим умом, сообразующимся с духом наживы, уловить беспомощность и огрехи Кошкаревых и Хлобуевых, ведущих к разорению их собственных крестьянских хозяйств: «Думал он так же и о том, что надобно насторожиться закупать, у кого какие еще находятся беглецы и мертвецы, ибо помещики друг перед другом спешат закладывать имения и скоро по всей Руси может не остаться уже и угла, не заложенного в казну» («Мертвые души», Гоголь, 1994, т. 5, с. 298).

Гоголь в «Выбранных местах...» взывает к любви к ближнему, когда «... вся Россия – один человек»[4], не желая видеть те трагедии, которые порождались рабовладельческим строем. Именно в пору написания «Выбранных мест...» и второго тома «Мертвых душ» Гоголя не оставлял нравственно-социальный вопрос о судьбе России, о ее особом пути освобождения от духа наживы, от «... тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреоборимое к соединению людей» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 192). Государственным реформам Гоголь противопоставлял патриархальную утопию, а безжизненному юридическому «разуму» западника Кошкарева – приверженность крестьянина к земле, главную составляющую русской жизни. В этой связи следует упомянуть характерные мысли писателя в беседе с Анненковым об отношениях современного европейского быта к быту России: «Вот, – сказал он раз, – начали бояться у нас европейской неурядицы – пролетариата... Думают, как из мужика сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землею?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидав землю свою; некоторые ложатся на землю и целуют ее, как любовницу. Это что-нибудь да значит?.. Об этом-то и надо поразмыслить» (Анненков, 1983, с. 119).

В данный исторический период Гоголь был захвачен беспредельной романтической идеей, окрашенной трагическим призывом вернуть русское дворянское общество к Богу, к Православной Церкви. По этому пути шли и А. С. Хомяков, и И. В. Киреевский, и другие славянофилы, но вопрос о неизменности социального положения крестьян делал Гоголя глубоко одиноким в его социально-философских построениях.

Следует заметить, что уже в 1847 г. И. С. Тургенев публикует в «Современнике» рассказ «Хорь и Калиныч». В те же годы, в противовес концепции Гоголя, А. И. Кошелевым выражалась настоятельная необходимость отмены крепостного права, вызванная той же проблемой преображения хозяйственной активности экономической жизни России, – все это аргументировалось так же, как у Гоголя, нравственными и религиозными началами: «Стыдно и непонятно, – писал Кошелев, – какъ мы можемъ называть себя христіанами и держать въ рабствѣ своихъ братьевъ и сестеръ... *Или Христово ученіе есть ложь, или всѣ мы жестокіе наглецы, называя себя христіанами*» (Цит. по: Улановъ В. Я., Батуринскій В. П., 1911, т. III, с. 182).

Совершенно противоположно мыслям Гоголя о преображении хозяйственной активности и экономической жизни в рамках неизменного социального строя, которые для него были наиболее приемлемыми, Хомяков в это же время заявлял об экономической неэффективности и юридической беззаконности крепостнического подневольного труда крестьян: «... Так в наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами...» (Хомяков, 1994, т. 1, с. 461).

Вместе с тем Гоголь был не одинок в своих мыслях о неизменности крепостного права в России. Так, выдающийся мыслитель, современник Гоголя, И. В. Киреевский с большой долей скептицизма относился к идее незамедлительного освобождения крестьян. Известно его письмо к сестре, М. В. Киреевской, от 17 марта 1847 г. , в котором он отговаривает сестру от освобождения крестьян: «Правда у нас беспрестанно толкуют об эмансипации: Кошелев, Хомяков и другие. Но я их мнения не разделяю. Не потому, чтобы я считал хорошим и полезным для России оставить навсегда крепостное состояние... крепостное состояние должно со временем уничтожиться <...>, но в теперешнее время, я думаю, что такая всеобъемлющая перемена произведет только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и поставит отечество

наше в такое положение, от которого сохрани Бог!» (Киреевский И. В. Письмо к М. В. Киреевской от 17 марта 1847 г.; Киреевский, 2002, с. 32–33). Заключительные строки письма Киреевского к сестре в осмыслении проблемы взаимоотношений крестьянина и помещика удивительно сходны с воззрениями Гоголя в «Выбранных местах...» и продекларированными Тентетниковым и Костанжогло: «А покуда ты жива, продолжи управлять ими, как делала до сих пор, бери с них легкий оброк, дай им свободу управлять собою, не предай их в обиду чиновников, и они будут благословлять тебя так всегда, как теперь благословляют» (Киреевский, 2002, с. 36).

Как видим, в числе противников незамедлительного освобождения крестьян были и такие крупнейшие представители русской культуры, как братья И. В. и П. В. Киреевские. Гоголь в одночасье со своими современниками, по замечанию Зеньковского, «... постоянно рисуя жизнь крестьян, словно не думает об их положении, о необходимости изменения социального строя. Эта аберрация мысли, молчание морального сознания и странно, и загадочно» (Гиппиус, Зеньковский, 1994, с. 289). В духовно напряженной мысли Гоголя социальная проблема крепостного права уходила прежде всего в религиозно-нравственную идею вернуть русского помещика к Богу, причудливо совмещающую в себе здравый смысл и наивный патриархальный идеал. Так, в письме к М. И., А. В. и Е. В. Гоголь от 3 апреля 1849 г. из Москвы он писал совершенно в духе «Выбранных мест...», призывая близких к ответственности перед Богом за своих крестьян: «Вы мне ничего не пишете о хозяйстве и о том, какие начались работы. Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. Вас наиболее об этом прошу, милые сестры. Если вы не любите хозяйничать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. <...> Жестоко наказываются целые поколения... Все тогда, весь мир идет навыворот – и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 451).

Итак, было бы опрометчиво предполагать, что Гоголь не замечал деформированности крепостной жизни. По замечанию Зеньковского, «За крепостное право стояли лишь немногочисленные группы дворянских кругов» (Гиппиус, Зеньковский, 1994, с. 288). В свою очередь уверенность в необходимости срочных и кардинальных мер не разделялась, по мнению М. М. Филиппова, подавляющим количеством дворянского большинства: «Дѣло освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, численность которыхъ превышала 20 милл. душъ, было, правда, неизбѣжнымъ для Россіи, если она хотѣла стать культурнымъ государствомъ, но чрезвычайно труднымъ. Собранные для обсужденія плана дворянскіе комитеты въ многихъ случаяхъ высказывались противъ освобожденія» (Девятнадцатый вѣкъ, 1900, с. 423). Таким образом, взгляды по поводу отмены либо сохранения крепостного права в этот период носили диаметрально противоположный характер.

Для Гоголя практическое участие в преобразовании хозяйственной активности помещиков и экономической жизни России было делом (наряду с нравственно-религиозным возрождением) первостепенной важности, – причем эти два начала были неразрывны в его религиозно-философском мировоззрении. Гоголь был одним из последних, если не единственным представителем цельного, законченного образа мыслей, воспитанного идеями и событиями первой половины XIX в. Он, один из немногих, нес свой умственный и нравственный груз в своей цельности, стремясь оберечь Россию от социального и нравственного кризиса, который начался во второй половине XIX в., когда разрушилось столько судеб и убеждений среди героев И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова. Любовь к Отечеству заставила Гоголя углубиться в сферу сложных явлений действительности, неправедного социального строя, но, как ни парадоксально, именно в пределах неправедного социального строя мысль автора «Мертвых душ» усиленно искала выход из этого состояния в создании патриархального хозяйствования.

Гоголь, так много размышлявший о познании сущности миробытия, прошел мимо законодательного регулирования глобального вопроса взаимоотношений между помещиками и подвластными им крестьянами. Выдающийся современник Гоголя, А. И. Кошелев, еще задолго до 1861 г. освободивший своих крепостных, призывал, что «заняться делом освобождения кре-

постных людей... надобно *сейчас,* ибо каждая грядущая минута может произнести страшные слова: теперь уже поздно...» (Кошелев, 2002, с. 238).

Выводы

Трагедия личности Гоголя и второго тома «Мертвых душ» заключается в том, что он как никто другой понимал, что вне церковного сознания Россия обречена на разрушение. Писателя никогда не покидала мысль о нравственном возрождении своей родины. Великий писатель и мыслитель призвал дворянство, которое, по его мысли, было движущей силой исторического развития России, к обустройству «праведного хозяйствования», каким это ему представлялось. Гоголь не предполагал такого мощного вдвижения в исторический процесс России разночинства, отторгавшего прежние формы социальной жизни, во что так свято верил сам писатель.

Гоголь обратился с проповедью возрождения России, опираясь на православно-нравственное преображение бытия, но не был услышан. В итоге трагическое осознание неосуществимости создания Христова братства среди людей, воплощения идеи «праведного хозяйствования» в пределах «неправедного» социального строя – все это и повлекло за собой трагедию незавершенности второго тома «Мертвых душ».

Непонятый русским обществом писатель после издания «Выбранных мест...» продолжает воплощать во втором томе «Мертвых душ» идеи, постигнутые в своей последней книге[5]. Гоголь осознавал еще в 1840-е годы, что в русскую действительность входит идея социализма, которая в частности для Белинского становится эквивалентом религиозного мировоззрения. Россия неумолимо двигалась в сторону нарождающегося радикализма, ярким представителем которого в 1840–1850-е годы явился «Неистовый Виссарион». Именно он выступил с непримиримой и резкой критикой идей писателя в «Выбранных местах...». Это была не только оппозиция идеям религиозного писателя, это была оппозиция Гоголю как представителю предыдущего поколения романтиков с культом искусства и идеей литературоцентричности культуры. Будущие базаровы с их углубленным секулярным сознанием, отвергающим Бога, – все это слагалось в некий «духовный класс», отличный от предыдущего поколения, к которому принадлежал Гоголь. Он складывался с необыкновенной быстротой, – этот класс радикально настроенных молодых людей, вышедших из самых различных слоев российского общества, образовывая глубокую пропасть между прошлой и новой эпохами. Идейным вождем, ярким представителем этого атеистического умонастроения был Белинский, который всей своей личностью, своими воззрениями выразил идеи радикализма в эти годы.

Гоголь, никогда конкретно не высказывающийся о революционных событиях как в Европе 1848 г., так и в России, все же оставил скупые сообщения о политических событиях в письмах. Как в теоретических воззрениях, изложенных в «Выбранных местах...», так и в художественных построениях второго тома «Мертвых душ», а также в корреспонденции писатель был чужд всякому социально-политическому радикализму. Радикальная сторона мировоззрения В. Г. Белинского вызывала у Гоголя особенно резкое осуждение: «Что до политических событий, само собой умирилось бы общество, если бы примирение было в духе тех, которые имеют влияние на общество. А теперь уста ваши дышат желчью и ненавистью. Зачем вам с вашей пылкою душою вдаваться в этот омут политический, в эти мутные события соврем<енности>, среди которой и твердая осмотрительная многосторонн<ость> теряется? Как же с вашим односторонним, пылким, как порох, умом, уже вспыхивающим прежде, чем еще успели узнать, что истина, как вам не потеряться? Вы сгорите, как свечка, и других сожжете <...> Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пылкие головы]. Брожение внутри не исправить никаким конституциям. <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство» (наброски неотправленного письма Гоголя Белинскому, конец июля – начало августа 1847 г. из Остенде; Гоголь, 1994, т. 9, с. 397, 402–403).

Белинский, пройдя сложный путь философских влияний от Шеллинга до Гегеля, так же, как Гоголь, находясь в состоянии «теургического беспокойства», чувствовал глубокую ответственность за исторический ход событий в России. Белинский, по мысли Зеньковского, «… был натурой глубоко и подлинно религиозной, но религиозные запросы его *не питались из Церкви*; … как и многие представители русской интеллигенции (еще по заветам “внутреннего христианства”) настойчиво отделял христианство от Церкви» (Зеньковский, 1991, с. 64). Белинский в период создания Гоголем «Выбранных мест…» впадает в атеистическое сознание, выражающееся в гневных нападках на Церковь, к призыву преобразования социальных отношений в России. Рассматривая вопрос о религиозном будущем народа в «Выбранных местах…», Белинский писал: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! <…> Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ» (Белинский, 1956, т. 10, с. 215). Если у Гоголя ко времени написания «Выбранных мест…» сложилось осознание Церкви как Организма, об «оцерковлении» жизни и воцерковлении человека («Церковь наша, – должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду» [(Гоголь, 1994, т. 6, с. 33–34]), то Белинский в своем знаменитом письме Гоголю по поводу «Выбранных мест…» утверждал: «Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, – чем и продолжает быть до сих пор…» (Белинский, 1956, т. 10, с. 214).

Об этом периоде в связи с Белинским Анненков писал: «… моральная подкладка всех мыслей и сочинений Белинского была той силой, которая собирала вокруг него пламенных друзей», вплоть до так называемого «активного народничества» (Анненков, 1983, с. 179). Что же касается Гоголя, по определению В. В. Зеньковского, «*Гоголь был трагически одинок* во всех этих исканиях…» (Гиппиус, Зеньковский, 1994, с. 333). Гоголь как истинный художник находился в сложнейшем процессе диалога между собой – автором и читателем. Ему, как никому другому, был необходим акт «познания-проникновения», стремление «познать и умение выразить себя». Эта сложная диалектическая связь между читателем и автором при написании второго тома «Мертвых душ» была нарушена. Об этом состоянии Анненков вспоминал: «Страдальческий, умиротворенный и на все уже подготовленный облик Гоголя – Гоголя последних дней – остался в моей жизни самым трогательным воспоминанием, наравне с обликом медленно умирающего и все еще волнующегося Белинского. Бедный, запутавшийся друг, погибший добровольной и мучительной смертью именно потому, что жил в эпоху столкновения неустановившихся верований, одинаково важных и неустранимых, и которую так горячо защищал против мнения о ее переходном состоянии!» (Анненков, 1983, с. 241).

Гоголь, обращаясь к своему читателю и внушая ему свое мировидение, в какой-то момент трагически теряет эту связь. Утеряно было «взаимодействие кругозора познающего с кругозором познаваемого», утеряно состояние писателя, что «я существую для другого и с помощью другого» (Бахтин, 1979, с. 409–410). Сам Гоголь в марте 1850 г. писал Н. Я. Прокоповичу: «Болезни приостановили мои занятия “Мертв<ыми> душам<и>”, которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть, и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса… просто не подымаются руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты, а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие» (Гоголь Н. В. Письмо Прокоповичу Н. Я., 29 марта 1850 г. Москва; Гоголь, 1952, т. 14, с. 174). Это трагическое осознание писательского «я» без читателя, без «другого» привело к глубочайшему кризису и трагическому концу, повлекшему за собой сожжение второго тома «Мертвых душ» и безвременную кончину, но боговдохновенная идея преображения жизни и человеческой души, мысль о единстве ответственности человека перед самой жизнью и ее нравственными основами вопреки всей идеологии его эпохи осталась ключевой для русского национального сознания, – вслед за трагической проповедью Гоголя выступают два величайших последователя – Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, – в творчестве которых религиозная проблематика становится основой духовных исканий и захватывает все мыслящие умы России.

Примечания:

[1]Здесь можно увидеть удивительное сходство мыслей Гоголя, которые мы будем наблюдать во втором томе «Мертвых душ» (идейно-тематический план тома выстроен вслед за его размышлениями в «Выбранных местах...» 1846 г.), с рассуждениями героя незаконченного произведения А. С. Пушкина, созданного осенью 1829 г. и впервые напечатанного в 1857 г. через пять лет после кончины Гоголя под заголовком «Отрывки из романа в письмах»: «Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою Саратовскую деревню. Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем обязанностей в их отношении» (Пушкин, 1975, т. 5, с. 412–413). Если рассуждения героя Пушкина Владимира, явно сливающиеся с авторским сознанием 1829 г., можно считать прогрессивными, то едва ли мнение Гоголя по крестьянскому вопросу 1846 г. было воспринято его окружением восторженно. Россия стремительно двигалась к разрешению проблемы крепостничества законодательным регулированием взаимоотношений помещика и крестьянина. История требовала, не снимая со счетов так пронзительно поставленного Гоголем вопроса «праведного хозяйствования», другой мысли, другой формулы.

[2]У И. В. Киреевского в «Отрывке из романа: Две жизни» позиция художественного «я» также не определилась. Едва наметившаяся образная структура в произведении вошла в противоречие с дидактическим началом, и замысел остался недовоплощенным.

[3]Если у Гоголя, как в «Выбранных местах...», так и во втором томе «Мертвых душ», в образе Улиньки усиливается стремление в женщине отыскать «душу живу», то в раннем творчестве, в «Невском проспекте», трагическое начало усиливается гротескным изображением женщин и их нарядов: «Здесь вы встретите такие талии, какие вам даже и не снились никогда: тоненькие, узенькие талии никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем... А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть!» (Гоголь, 1994, т. 3, с. 10). У Гоголя на Невском проспекте вместо живых женщин движутся талии, являющиеся не произведением природы и искусства, а скорее, частью наряда, где платье замещает живой образ, в отличие от образа Улиньки.

[4]Стремление к нравственному преображению приводит Гоголя к состоянию соборности, которое А. Ф. Лосев охарактеризовал как «... глубочайшее основание всей действительности, как глубочайшую и интимнейшую потребность каждой отдельной личности, как то, в жертву чему должно быть принесено решительно все. Это общее животрепещущее социальное тело, в котором каждая личность не больше как один из бесчисленных органов или клеток» (Лосев, 1991, с. 509).

[5]«Выбранные места...» рассматриваются как итоговое произведение философской прозы Гоголя. Своеобразие феномена философской прозы осмысляется в работах омских ученых: А. Э. Еремеева, Е. А. Акелькиной, М. С. Штерн, Э. И. Коптевой (Еремеев, 1989; Коптева, 2014; Акелькина, 2015; Философские формы в культуре, 2021; Еремеев, 2022).

Источники

Акелькина Е. А. (2015) Философская проза «Дневника писателя» (1876–1877) Ф. М. Достоевского: Судьба культурной традиции. Омск, изд-во Омского гос. университета, 179 с.
Анненков П. В. (1983) Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г. В кн.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. Вст. ст. В. И. Кулешова; коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. М., Художественная литература, с. 34–120. (Серия литературных мемуаров).
Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., Художественная литература, 502 с.
Бахтин М. М. (1979) Эстетика словесного творчества; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М., Искусство, 423 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).
Белинский В. Г. (1956) Полное собрание сочинений: в 13 т.; редколл.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. М., изд-во АН СССР, 474 с.
Воропаев В. А., Виноградов И. А. (1994) Комментарии. В кн.: Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Мертвые души: Поэма. М., Русская книга, с. 475–603.
Гоголь Н. В. (1952) Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 12. Письма, 1842–1845; ред. Г. М. Фридлендер. М.; Л., изд-во АН СССР, 720 с.
Гоголь Н. В. (1952) Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 14. Письма, 1848–1852; ред. А. Н. Михайлова. М.; Л., изд-во АН СССР, 487 с.

Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. Повести; Т. 4. Комедии; сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., Русская книга, 557 с.
Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Мертвые души: Поэма. М., Русская книга, 605 с.
Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. М., Русская книга, 560 с.
Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Письма. М., Русская книга, 779 с.
Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь (1994) СПб., Logos, 341 с.
Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій (1900); подъ общ. ред. М. М. Филиппова. С.-Пб., изд-е П. П. Сойкина, 425 с.
Еремеев А. Э. (1989) Русская философская проза (1820–1830-е годы). Томск, изд-во Томского гос. университета, 188 с.
Еремеев А. Э. (2022) Поэтика философской прозы и нравственно-философские искания в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 16, № 3, с. 7–21.
Зеньковский В. В. (1991) История русской философии: в 2 т. Т. 1, ч. 2. Л., ЭГО, 280 с.
Киреевский И. В. (1911) Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2; под ред. М. Гершензона. М., Путь, 300 с.
Киреевский И. В. (2002) Разум на пути к Истине. М., Правило веры, 215 с.
Коптева Э. И. (2014) Своеобразие жанровой формы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (К вопросу о русской просветительской традиции). Мир романтизма, № 17 (41), с. 149–157.
Кошелев А. И. (2002) Записки (1812–1883). Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова; отв. ред. И. Г. Птушкина. М., «Наука», 492 с. (Серия «Литературные памятники»).
Лосев А. Ф. (1991) Философия. Мифология. Культура. Сост. Ю. А. Ростовцев; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. М., изд-во политической литературы, 525 с.
Пушкин А. С. (1975) Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Романы. Повести; примеч. С. М. Петрова. М., Художественная литература, 574 с.
Русанов Г. (1912) Поездка в Ясную Поляну. В кн.: Толстовский ежегодник за 1912 г. Общ-во Толстовского музея в Петербурге, Толстовское общ-во в Москве. СПб., М., тип. тов. И. Д. Сытина, с. 152–154.
Толстой Л. Н. (1935) Полное собрание сочинений: в 90 т.; под ред. В. Г. Черткова. Т. 19. Анна Каренина. Части 5–8. М., Художественная литература, 528 с.
Тургенев И. С. (1958) Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма. 1831–1883; подг. текста и примеч. Г. А. Бялого и др.. М., Художественная литература, 695 с.
Тынянов Ю. Н. (1969) Пушкин и его современники; сост. сборника и подгот. текста В. А. Каверина и З. А. Никитиной; коммент. А. Л. Гришунина и А. П. Чудакова. М., Наука, 424 с.
Улановъ В. Я., Батуринскій В. П. (1911) Славянофилы и западники о крѣпостном правѣ. В кн.: Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопросъ в прошломъ и настоящемъ; ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., изд-е т-ва И. Д. Сытина, т. III, с. 175–204.
Философские формы в культуре. Монография к 70-летию доктора филологических наук, профессора, ректора Омской гуманитарной академии А. Э. Еремеева (2021); авторы: Агальцев А. М., Айзикова И. А., Акелькина Е. А., Александрова Е. Г., Бернацкий В. О., Большаков Н. Н., Борисов Ю. Н., Ван Л., Викторович В. А., Греков Н. В., Долгушин Д. В., Евдокимов В. А., Евчук О. П., Жилякова Э. М., Киричук Е. В., Козлова Н. К., Комарова Е. Э., Кондакова А. С., Коптева Э. И., Косяков Г. В. и др. Омск, изд-во ОмГА, 405 с.
Хомяков А. С. (1994) О старом и новом. В кн.: Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М., Московский философский фонд, изд-во Медиум, с. 456–470.

References

Akelkina E. A. (2015) Filosofskaya proza «Dnevnika pisatelya» (1876–1877) F. M. Dostoevskogo: Sud'ba kul'turnoj tradicii [The Philosophical Prose of «The Writer's Diary» (1876–1877) by F. M. Dostoevsky: The Fate of Cultural Tradition]. Publ. house of Omsk State University, Omsk, 179 p. (In Russian).
Annenkov P. V. (1983) N. V. Gogol' v Rime letom 1841 g. [Nikolai Gogol in Rome in the summer of 1841]. Annenkov P. V. Literaturny'e vospominaniya – Annenkov P. V. Literary memoirs. Publ. Hudozhestvennaya literatura, Moscow, pp. 34–120 (In Russian).
Bakhtin M. M. (1975) Voprosy' literatury' i e'stetiki: Issledovaniya razny'x let [Questions of literature and aesthetics: Studies from different years]. Moscow, Publ. Hudozhestvennaya literatura, 502 p. (In Russian).
Bakhtin M. M. (1979) E'stetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Publ. Iskusstvo, Moscow, 423 p. (In Russian).
Belinsky V. G. (1956) Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 10. Stat'i i recenzii. 1846–1848 [The complete works: in 13 vols. Vol. 10. Articles and reviews. 1846–1848]. Publ. House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 474 p. (In Russian).
Devyatnadczaty'j vѣk'. Obzor' nauki, texniki i politicheskix' soby'tij (1900) [The nineteenth century. Review of science, technology and political events. Under the general editorship of M. M. Filippov]. P. P. Soykin's edition, Saint-Petersburg, 425 p. (In Russian).
Eremeev A. E. (1989) Russkaya filosofskaya proza (1820–1830-e gody') [Russian philosophical prose (1820–1830s)]. Tomsk, Tomsk State University Press, 188 p. (In Russian).
Eremeev A. E. (2022) Poe'tika filosofskoj prozy' i nravstvenno-filosofskie iskaniya v knige N. V. Gogolya ''Vy'branny'e mesta iz perepiski s druz'yami'' [The poetics of philosophical prose and moral and philosophical searches in N. V. Gogol's book ''Selected passages from correspondence with friends'']. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 3, pp. 7–21. (In Russian).
Filosofskie formy' v kul'ture. Monografiya k 70-letiyu doktora filologicheskix nauk, professora, rektora Omskoj gumanitarnoj akademii A. E'. Eremeeva (2021) [Philosophical forms in culture. Monograph

for the 70th anniversary of Doctor of Philology, Professor, Rector of the Omsk Humanitarian Academy A. E. Eremeev; authors: Agaltsev A.M., Aizikova I. A., Akelkina E. A., Alexandrova E. G., Bernatsky V. O., Bolshakov N. N., Borisov Yu. N., Van L., Viktorovich V. A., Grekov N. V., Dolgushin D. V., Evdokimov V. A., Evchuk O. P., Zhilyakova E. M., Kirichuk E. V., Kozlova N. K., Komarova E. E., Kondakova A. S., Kopteva E. I., Kosyakov G. V. and others]. Publ. House of the Omsk Humanitarian Academy, Omsk, 405 p. (In Russian).

Gogol N. V. (1952) Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. T. 12. Pis'ma, 1842–1845 [The complete works: in 14 vols. Vol. 12. Letters, 1842–1845]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 720 p. (In Russian).

Gogol N. V. (1952) Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. T. 14. Pis'ma, 1848–1852 [The complete works: in 14 vols. Vol. 14. Letters, 1848–1852]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, , 487 p. (In Russian).

Gogol N. V. (1994) Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 3. Povesti; T. 4. Komedii [Collected works: in 9 vols. Vol. 3. Novellas; Vol. 4. Comedies]. Moscow, Publ. Russkaya kniga, 557 p. (In Russian).

Gogol N. V. (1994) Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 5. Myortvy'e dushi: Poe'ma [Collected works: in 9 vols. Vol. 5. Dead Souls: Poem]. Moscow, Publ. Russkaya kniga, 605 p. (In Russian).

Gogol N. V. (1994) Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 6. Duxovnaya proza. Kritika. Publicistika [Collected works: in 9 vols. Vol. 6. Spiritual prose. Criticism. Journalism]. Moscow, Publ. Russkaya kniga, 560 p. (In Russian).

Gogol N. V. (1994) Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 9. Pis'ma [Collected works: in 9 vols. Vol. 9. Letters]. Moscow, Publ. Russkaya kniga, Moscow, 779 p. (In Russian).

Gippius V. Gogol' [Gogol]. Zenkovsky V. N. V. Gogol' [N. V. Gogol] (1994) Saint-Petersburg, Publ. Logos, 341 p. (In Russian).

Kireevsky I. V. (1911) Polnoe sobranie sochinenij: v 2 t. T. 2 [The complete works: in 2 vols. Vol. 2; edited by M. Gershenzon]. Moscow, Publ. house Put', 300 p. (In Russian).

Kireevsky I. V. (2002) Razum na puti k Istine [The Mind is on the path to Truth]. Publ. house «Pravilo very'», Moscow, 215 p. (In Russian).

Kopteva E. I. (2014) Svoeobrazie zhanrovoj formy' ''Vy'branny'x mest iz perepiski s druz'yami'' N. V. Gogolya (K voprosu o russkoj prosvetitel'skoj tradicii) [The originality of the genre form of N. V. Gogol's ''Selected places from correspondence with friends'' (On the question of the Russian educational tradition)]. Mir romantizma – The world of Romanticism, no. 17 (41), pp. 149–157. (In Russian).

Koshelev A. I. (2002) Zapiski (1812–1883) [Notes (1812–1883)]. Moscow, Publ. house Nauka, 492 p. (In Russian).

Khomyakov A. S. (1994) O starom i novom [About the old and the new]. Xomyakov A. S. Sochineniya: v 2 t. T. 1. Raboty' po istoriosofii – Khomyakov A. S. Essays: in 2 vols. Vol. 1. Works on historiosophy. Moscow Philosophical Foundation, Medium Publishing House, Moscow, pp. 456–470. (In Russian).

Losev A. F. (1991) Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Publ. house of political literature, 525 p. (In Russian).

Pushkin A. S. (1975) Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 5. Romany'. Povesti [Collected works: in 10 vols. Vol. 5. Novels. The story]. Moscow, Publ. Hudozhestvennaya literatura, 574 p. (In Russian).

Rusanov G. (1912) Poyezdka v Yasnuyu Polyanu. V kn.: Tolstovskiy yezhegodnik za 1912 g. [Trip to Yasnaya Polyana. In: Tolstoy Yearbook for 1912. Society of the Tolstoy Museum in St. Petersburg]. Tolstoy Society in Moscow. St. Petersburg, Moscow, Printing house of Comrade I. D. Sytin, pp. 152–154.

Tolstoy L. N. (1935) Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 19. Anna Karenina. Chasti 5–8 [The complete works: in 90 vols. 19. Anna Karenina. Parts 5-8]. Moscow, Publ. Hudozhestvennaya literatura, 528 p. (In Russian).

Turgenev I. S. (1958) Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 12. Pis'ma. 1831–1883 [Collected works: in 12 vols. Vol. 12. Letters. 1831–1883]. Publ. Hudozhestvennaya literatura, Moscow, 695 p. (In Russian).

Tynyanov Yu. N. (1969) Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and his contemporaries]. Publ. house Nauka, Moscow, 424 p. (In Russian).

Ulanov V. Ya., Baturinsky V. P. (1911) Slavyanofily' i zapadniki o krepostnom prave [Slavophiles and Westerners on serfdom]. Velikaya reforma: Russkoe obshhestvo i krest'yanskij vopros' v proshlom' i nastoyashhem': v 6 tomax; red. A. K. Dzhivelegova, S. P. Mel'gunova, V. I. Picheta – The Great Reform: Russian Society and the Peasant Question in the past and present: in 6 volumes; ed. by A. K. Dzhivelegov, S. P. Melgunov, V. I. Pichet. Publ. of the I. D. Sytin partnership, Moscow, vol. III, pp. 175–204. (In Russian).

Voropaev V. A., Vinogradov I. A. (1994) Kommentarii [Comments]. Gogol' N. V. Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 5. Myortv'e dushi: Poe'ma – Gogol N. V. Collected works: in 9 vols. Vol. 5. Dead souls: A poem. Moscow, Publ. Russkaya kniga, pp. 475–603. (In Russian).

Zenkovsky V. V. (1991) Istoriya russkoj filosofii: v 2 t. T. 1, ch. 2 [The History of Russian Philosophy: in 2 vols. Vol. 1, part 2]. Leningrad, Publ. house EGO, 280 p. (In Russian).

Информация об авторе

Еремеев Александр Эммануилович
Доктор филологических наук, профессор,
ректор Омской гуманитарной академии,
г. Омск, РФ.
E-mail: nou_ogu@mail.ru

Autor's information

Alexander E. Yeremeyev
Dr. Sc. (Philol.), Professor,
Rector of the Omsk Humanitarian Academy.
Omsk, Russian Federation.
E-mail: nou_ogu@mail.ru